

В мир пришла Фрайди

Период между падением Нового Иерусалима и Вторым Атлантическим восстанием чрезвычайно интересен как в политическом, так и в культурологическом плане. После уничтожения регулярной армии Пророка боевики «Каббалы», мормоны, иностранные добровольцы и прочие не сумели договориться о разделе власти, а фанатики Пророка и вовсе не желали признавать чью-то власть. Америка, покончив с теократией, оказалась на пороге затяжной гражданской войны, и это неустойчивое положение использовала третья сила, по-прежнему остающаяся в тени. Религиозные фанатики были отстранены от власти, в обществе прошла антиклерикальная чистка, католики оказались вне закона, а в стране была реставрирована отмененная Скаддером в 2016 году политическая система середины прошлого века. Однако возврата к демократии не произошло — реанимированная система оказалась нежизнеспособной и тут же начала скатываться к тоталитаризму. Попытка установления диктатуры Кейтли ясно показала, что прежние методы государственного управления не способны эффективно работать в современных условиях. Высокие технологии, доступ к которым Америка получила после выхода из самоизоляции, и методы промывки мозгов, отработанные в годы коммунистического правления и улучшенные служителями Пророка, превращали демократию в пустышку, способ легитимизации власти тех, кто уже оказался наверху. Упомянутая выше третья сила оказалась не способна остановить этот процесс и прибегла к тактике индивидуального террора, устраняя особо зарвавшихся чиновников. Но это была попытка вычерпать ложкой море, потому что дефект заключался в самой демократической системе, а не в отдельно взятых индивидуумах. Противоречия, накопившиеся во властной структуре Американской Федерации, в конце концов разрешились

Вторым Атлантическим восстанием, разрушившим прогнившую политическую систему, а вместе с ней и саму страну. В 2076 году Америка перестала существовать как единое государство, распавшись на отдельные доминионы, каждый из которых начал продвигать собственную модель государственного устройства. Балканизация США перекинулась и на соседнюю Канаду, которая совершила давно назревшее разделение на англо- и франкоговорящие части. Можно усматривать в этом определенную историческую иронию — противостояние двух сверхдержав XX века завершилось их распадом. Теократический период лишь отсрочил реализацию центробежных процессов в США.

Если внутри США итоги переходного периода можно считать катастрофическими, то в международном плане этот отрезок времени не был отмечен особыми потрясениями. Мир практически восстановился после Третьей мировой войны, а распад двух основных военных блоков, Йоханнесбургский атомный мораторий и создание Космического патруля поспособствовали тому, что это были в основном мирные годы. Военный конфликт между Россией и Пруссией был единственным инцидентом, который не смог (точнее, не успел) предотвратить патруль. Тем не менее это было чисто внешнее спокойствие. В действительности внутри земной цивилизации именно в этот период возникли и развились совершенно деструктивные тенденции. Попытка ядерного шантажа, предпринятая Кейтли, доказала, что внешний сдерживающий фактор Космического патруля больше не работает. Концентрация бесконтрольной власти в руках политиканов в сочетании с современными технологиями де-факто аннулировали договор, заключенный после Третьей мировой войны в Йоханнесбурге. Тем не менее изживший и исчерпавший свое назначение патруль длил свое существование еще по меньшей мере столетие, пока корпоративные войны 2170-х не доказали всем бессмысленность поддержания этого международного института.

Послевоенный период демонстрировал обывателям картину устойчивого научно-технического прогресса: возобновились космические сообщения с сепаратистами Марса и Венеры, были запущены первые орбиталища в точки Лагранжа L3, L4 и L5, что обеспечило некоторый отток населения, синтетическая пища покончила с голодом, легализация генетических

экспериментов привела к появлению «продвинутых» животных и искусственных существ, приспособленных к неприятным и опасным условиям работы. На Земле имелись почти все условия, чтобы превратить ее в экологически чистый дом для подростого человечества. Однако вдумчивый наблюдатель способен был заметить, что темп научного прогресса в переходный период существенно замедлился, и это невозможно было объяснить социальными катастрофами конца XX — начала XXI века. Очевидно, в историю вмешался какой-то новый фактор. Этим фактором была все та же третья сила, именно она искусственно сдерживала научный прогресс, изымая из употребления наиболее эффективные и опасные игрушки, руководствуясь своими представлениями о безопасности и целесообразности. Человечество еще долго могли бы дергать за нитки невидимые кукловоды, но этому положило конец открытие прыжкового двигателя. Изобретение, приблизившее звезды на расстояние вытянутой руки, позволило человечеству разделиться. Центробежные силы, довлевшие над людской цивилизацией последние полвека, проявились и здесь — дочерняя ветвь рода человеческого, *homo novus*, упаковала вещички (прихватив с собой несколько опасных технологий, наподобие репликатора), погрузилась на звездолеты и отбыла. Этому отлету предшествовали серьезные противоречия в верхушке организации третьей силы, в результате которых доктор Болдуин, ее руководитель, разочарованный сегрегационной политикой «новых людей», остался на Земле («Бездна»). Он по-прежнему пытался играть роль няньки при человечестве, но уже без глобальных претензий и от случая к случаю. Его собственным проектом стала прикладная евгеника — он намеревался улучшить человеческую породу модификацией генов, приближая потенциал *homo sapiens* к возможностям *homo novus*, но не пересекая черты, отделяющей один вид от другого. Однако его намерениям не суждено было воплотиться в жизнь. Лишившись поддержки организации, он не смог в одиночку противостоять земным спецслужбам и оказался в заключении, которое отбывал в Лунной колонии. Пониженная гравитация сделала с суперменом то же, что и с обычными колонистами, — она превратила его в инвалида.

А тем временем на Земле, лишенной контроля третьей силы, раскрылся ящик Пандоры. Более не сдерживаемые тенденции проявились. Америка и Канада перестали существо-

вать в хаосе Второго Атлантического восстания. Научно-технический прогресс, освобожденный от цензуры третьей силы, рванулся вперед. Достоянием человечества стали антигравитация, супераккумуляторы Дэниела Шипстоуна, прыжковый двигатель и масса других вещей. Следствием этого стал крах целых отраслей промышленности. На мировую арену вышли новые игроки, которые за считанные десятилетия ассимилировали остатки прежних гигантов и превратились в мегакорпорации, сконцентрировавшие в своих руках все богатства и ресурсы на Земле и планетах Солнечной системы. С этого момента территориальные государства перестали быть решающим фактором земной истории. Власть в системе окончательно перешла в руки олигархов. Демократия как форма организации человеческого сообщества окончательно исчерпала свой потенциал.

До падения земной цивилизации оставалось 500 лет.

Именно в этот момент в мир пришла Фрайди¹.

С. В. Голд

¹ Из книги «Хайнлайн в картинках».

Фрайди

Эта книга посвящается

Энн, Анне, Барби, Бетси, Баблс, Кэролин,
Кэтрин, Дазн, Диане, Элеоноре, Элинон, Гэй,
Джинни, Джоан, Джуди-Линн, Карен, Кэтлин,
Мэрилин, Мишель, Патрисии, Пайпер, Полли,
Роберте, Тэми, Ребел, Урсуле, Верне, Вивиан,
Вонде, Юмико и всегда-всегда-всегда — Джинни!

Р. Э. Х.

Когда я вылезала из капсулы кенийского «Бобового стебля», он висел у меня на хвосте. Вслед за мной он вошел в дверь, ведущую в «Таможню. Карантин. Иммиграцию». Когда дверь захлопнулась за ним, я убила его.

Никогда не любила пользоваться «Стеблем». Не любила еще задолго до катастрофы в Кито на «Небесном крюке» — висящий прямо в небе и ничем не закрепленный трос очень уж отдает черной магией. Но любой другой способ попасть на Эль-5 занимает слишком много времени и очень дорого стоит. Мои инструкции и финансовые лимиты не позволяют прибегать к подобной роскоши.

Итак, я была здорово раздражена еще до того, как покинула шаттл с Эль-5 на Геостационаре, чтобы пересесть в капсулу «Стебля», но... Черт возьми, раздражение еще не причина для убийства. Я намеревалась лишь вырубить его на несколько часов.

У подсознания своя собственная логика. Он не успел брякнуться на пол, как я перехватила его и быстро потащила, стараясь не запачкать пол, к дверцам бронированных кабинок. Там прижала его большой палец к замку — дверца с лязгом отъехала в сторону, — моментально нашла его бумажник, присвоила удостоверение и всю наличность. Карточку «Дайнерз клуб» сунула в прорезь. Положив пустой бумажник в карман трупа, втокнула тело внутрь, дверца встала на место, замок защелкнулся. Я отвернулась.

Прямо надо мной висел «следающий глаз».

Особо дергаться не стоило. Девять шансов из десяти, что «глаз» болтается здесь случайно и никто не наблюдает за монитором, а его двенадцатичасовая запись будет стерта без просмотра. И один шанс, что какая-нибудь девка из Службы пристально смотрит на монитор или... просто почесывается и вспоминает, чем занималась прошлой ночью.

Поэтому я плюнула на него и просто пошла к выходу в конце коридора. Назойливый «глаз», конечно же, потащился за мной, поскольку в этом проходе я была единственной массой, излучавшей тепло, с температурой тридцать семь градусов. Он задержался секунды на три, чтобы просканировать кабинку с телом, а потом снова прицепился ко мне.

Пока я мысленно перебирала три наиболее безопасных варианта действий, *другая* часть мозга взяла верх — и руки четко привели в исполнение четвертый вариант: моя авторучка выпустила лазерный луч и убила «глаз» — я поливала его лучом на полной мощности, пока он не шлепнулся на пол, ослепленный, с выжженным антигравом и, надеюсь, со стертой памятью.

Мне пришлось еще раз воспользоваться кредиткой, позаимствованной у моего «хвоста», — я открыла замок кабинки авторучкой, чтобы не стереть отпечаток большого пальца, и сильным пинком отправила «глаз» внутрь. Потом стала действовать очень быстро — пришло время сменить обличье. Как и в большинстве внешних портов, на станции кенийского «Стебля» были удобства для пассажиров по обе стороны границы. Вместо того чтобы прямо идти к таможне, я отыскала туалетные комнаты и заплатила наличными за пользование кабинкой для переодевания и душем.

За двадцать семь минут я успела не только принять душ, но и сменить одежду, цвет волос и лицо — то, что наносится три часа, снимается за пятнадцать минут с помощью горячей воды и обыкновенного мыла. Мне не очень хотелось демонстрировать здесь свое настоящее лицо, но я *должна* была избавиться от личности, которую я использовала для этой миссии. Та ее часть, которая не смылась водой, отправилась в мусоропоглотитель: комбинезон, туфли, сумочка, отпечатки пальцев, контактные линзы, паспорт. В оставшемся паспорте было мое настоящее имя — ну, во всяком случае, одно из настоящих, — стереографическое изображение лица и очень убедительно выглядывшая виза Эль-5.

Прежде чем отправить в мусоропоглотитель документы мертвеца, я внимательно проглядела их и... задумалась.

Его кредитные карточки и удостоверения личности были оформлены на четыре разные персоны.

Где остальные три паспорта?

Вероятно, остались в одном из карманов трупа, там, в той кабинке. Я не обыскала его как следует — времени не было, — а просто схватила все, что было в бумажнике.

Вернуться и обыскать? Если я поташусь назад, стану возиться с замком и соваться в кабину с еще не остывшим телом, меня наверняка кто-нибудь заметит. Беря его карточки и паспорт, я надеялась затруднить установление его личности и тем самым дать себе побольше времени, для того чтобы убраться отсюда, но... Одну секунду! Ага, паспорт и карточка «Дайнерз клуб» были на имя Адольфа Бельзена. «Америкэн экспресс» предоставляла кредит Альберту Бомонту, банк в Гонконге брал на себя обязательства о платежеспособности Артура Букмена, в то время как «Мастеркард» была выписана Арчибальду Бьюкенену.

В уме я воссоздала картину преступления: Бомонт-Букмен-Бьюкенен прижал большой палец к замку дверцы — и в этот момент Бельзен ударил его сзади, засунул тело в кабину, закрыл кабину своей карточкой «Дайнерз клуб» и поспешно убрался прочь.

Да, блестящая версия... Сделаем еще кое-что, чтобы лучше замести следы.

Удостоверения и кредитные карточки я сунула к себе в бумажник, а паспорт на имя Бельзена спрятала поглубже. Конечно, его найдут при личном досмотре, но есть множество способов избежать такового — скажем, подкуп, давление, разложение, отвлечение внимания, обман (и это далеко не все).

Когда я вышла из туалета, уже прибыла следующая капсула и ее пассажиры стояли в очереди к «Таможне. Карантину. Иммиграции». Я встала в самый конец. Инспектор ТКИ обратил внимание на легкость моей сумки и поинтересовался, как там наверху дела на черном рынке. Я скорчила самую глупую мину, на которую была способна, — точь-в-точь как на фотографии в паспорте, а он как раз в этот момент обнаружил сложенную вдвое купюру, засунутую в паспорт, и сменил тему.

Я спросила его, где здесь лучший отель и лучший ресторан. Он сказал, что не вправе давать рекомендации, но «Найроби Хилтон», на его взгляд, неплох. Что же касается еды, то, если мои финансы позволят, в «Толстяке», что напротив «Хилтона», лучшая кухня во всей Африке. Он также выразил надежду, что пребывание в Кении доставит мне удовольствие.

Я сказала «спасибо» и через несколько минут была уже внизу, в городе — о чем тут же пожалела. Кенийская станция находится на высоте более пяти километров; воздух там всегда разреженный и холодный. Найроби выше над уровнем моря, чем Денвер, почти на одной высоте с Сьюдад-де-Мехико, но

это лишь малая доля высоты горы Кения, а до экватора тут рукой подать. Воздух казался слишком густым и жарким, чтобы таким дышать, моя одежда почти сразу вымокла от пота. Я почувствовала, как начали опухать ноги, а они еще и здорово ныли — ведь им приходилось тащить мой полный вес. Не люблю задания за пределами Земли, но возвращаться из них — во много раз хуже.

Призвав на помощь самоконтроль, я попыталась избавиться от чувства дискомфорта... Чушь! Если бы мой инструктор по самоконтролю меньше торчал в позе лотоса и больше проводил времени в Кении, его наставления могли бы быть более полезными. Я плюнула на самоконтроль и сосредоточилась на главной проблеме: как бы побыстрее выбраться из этой сауны.

В холле «Хилтона» царила приятная прохлада. Что еще лучше, здесь нашлось полностью автоматизированное бюро путешествий. Я нашла свободную кабину и уселась перед терминалом. Тут же в кабине появилась служащая:

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

Я сказала ей, что справлюсь сама, — клавиатура выглядела знакомо (обычный «Кенсингтон-400»).

— Но я с удовольствием помогу вам, — продолжала настаивать она, — я сейчас совсем свободна.

На вид ей было лет шестнадцать, ее миленькое личико, приятный голос и манеры полностью убедили меня в том, что она действительно хочет помочь. Но мне меньше всего нужна была чья-то помощь, когда я собиралась возиться с чужими кредитками. Поэтому я сунула ей в ладонь небольшую купюру, сказав, что предпочитаю делать это сама, а если возникнут трудности, позову ее. Она запротестовала было, говоря, что во все не обязательно давать ей деньги, но в конце концов ушла, не сделав попытки вернуть их.

Адольф Бельзен на монорельсе прибыл в Каир, а на полубаллистике добрался до Гонконга, где зарезервировал для себя номер в «Пенинсуле» — все с помощью «Дайнерз клуб».

Альберт Бомонт находился в отпуске. Он заказал рейс «Сафари джетс» до Тимбукту, где «Америкэн экспресс» обеспечила ему две недели в роскошном «Шангри-Ла» на берегу «моря» Сахары.

Банк Гонконга оплатил дорогу Артура Букмена в Буэнос-Айрес.

Арчибальд Бьюкенен отправился в свой родной Эдинбург с предоплатой по «Мастеркард». Поскольку всю дорогу он мог

проделать на подземке с одной лишь пересадкой в Каире и автоматическим переключением в Копенгагене, уже часа через два он должен быть в доме своих предков.

Я ввела в компьютер еще ряд запросов, но никаких заказов, никаких покупок. Они присутствовали лишь во временной памяти. Удовлетворенная, я вышла из кабины и спросила заулыбавшуюся служащую, попаду ли через вход в подземку, который, как я заметила, был прямо в холле отеля, к ресторану «Толстяк». Она любезно объяснила мне, куда надо свернуть, я поблагодарила, спустилась в метро и... заплатив наличными, села в вагон на Момбасу.

Момбаса от Найроби всего в тридцати минутах езды (450 километров), но она расположена на уровне моря, и климат Найроби, по сравнению с тамошним, кажется раем. Я постаралась выбраться оттуда как можно скорее и через двадцать семь часов уже была в провинции Иллинойс Чикагской империи. Вы можете сказать, что это слишком долго для дуги большого круга длиной всего в тринадцать тысяч километров. Но я не ехала по большому кругу, не пересекала таможенных границ и не проходила через пункты иммиграционного контроля. Не пользовалась я и кредитными карточками — ни своими, ни чужими. И еще я ухитрилась выкроить семь часов для сна в свободном штате Аляска — я не спала как следует с того момента, как двумя днями раньше покинула город на космической станции Эль-5.

Как я это сделала? Секрет фирмы. Этот маршрут может мне никогда больше не понадобится, но, возможно, кому-то из моих коллег по работе придется им воспользоваться. Кроме того, как говорит мой босс, когда все эти правительства опутали все, что только можно, своими компьютерами, «следящими глазами» и еще сотней других видов электронного надзора, каждая свободная личность просто морально обязана бороться — пользоваться подземкой, держать окна зашторенными и пичкать компьютеры дезинформацией. Ведь компьютеры тупы и ограничены, электронные досье на самом деле вовсе не досье... Нельзя упускать случая одурачить эту систему. Если не можете увернуться от налога, заплатите чуть больше, чтобы сбить с толку компьютер, — переставьте числа, поменяйте цифры местами... Ну и так далее.

Вопрос: как объехать полпланеты и не оставить следов? Ответ: плати наличными. Никаких кредитных карточек, ничего, что отправляется в недра компьютерной памяти. Взятка

на самом деле — никакая не взятка: при всех подобных денежных трансферах достоинство берущего не может пострадать. Как бы ни переплачивали гражданским служащим, они всегда твердо убеждены, что им чудовищно *недоплачивают*, все чиновники в глубине души склонны к воровству, иначе они просто не кормились бы у этого «стойла». Эти две простые истины — вот и все, что нужно знать, но будьте осторожны (!): чиновник не имеет самоуважения, но он остро нуждается в уважении и требует его проявления от публики.

Я всегда потворствовала этой нужде, поэтому мое путешествие обошлось без всяких инцидентов. (Не считая того факта, что «Найроби Хилтон» взорвался и сгорел дотла через несколько минут после того, как я села в вагон на Момбасу, — нужно быть просто параноиком, чтобы подумать, будто это хоть как-то связано со мной.)

Правда, я избавилась от четырех кредитных карточек и паспорта, как только узнала об этом, но я и в любом случае намеревалась это сделать. Если бы противник хотел ликвидировать меня — возможно, но маловероятно, — уничтожить многомиллионную собственность и неизбежно убивать и калечить сотни, а то и тысячи посторонних было бы все равно что охотиться на муху с топором. Непрофессионально.

А значит, теоретически возможно. Ну вот, наконец-то я опять в империи, задание выполнено с минимальными накладками. Я вышла на луг Линкольна, размышляя о том, что набрала достаточно очков, чтобы выклянчить у босса несколько свободных неделек в Новой Зеландии. Моя семья — с-группа из семи членов — жила в Крайстчерче, я не виделась с ними больше месяца. Давно пора!

Я с наслаждением вдыхала чистый, свежий воздух и любовалась сельской красотой Иллинойса — лучше может быть лишь на Южном острове. Говорят, на этих лугах когда-то стояли грязные фабрики — трудно поверить. Сегодня единственное здание, которое было видно с вокзала, — платная конюшня «Авис».

У выезда на дорогу, возле станции, стояло два наемных экипажа, обычные коляски и несколько фермерских вагончиков — как обычно. Я хотела было уже занять место в одном из экипажей «Ависа», как вдруг увидела, что подъезжает третий: пара красивых рысаков, запряженных в изящное ландо фирмы «Локхид».

— Эй! Дядя Джим! Сюда... Это я!

Кучер дотронулся кнутом до полей своего цилиндра и осадил лошадей. Ландо остановилось прямо перед ступеньками, на которых я стояла. Он слез с сиденья и снял цилиндр.

— Хорошо, что вы вернулись домой, мисс Фрайди.

Я стиснула его в объятиях, что он перенес стойчески. У дяди Джима Пруфита были очень строгие понятия о пристойности. Говорят, он когда-то был обвинен в папизме, кто-то даже рассказывал, что его однажды взяли с поличным, когда он служил мессу. Болтали разное, но, по-моему, в основном чушь — что он был священником, завербованным нашей фирмой, а потом провалился, прикрывая других. Что касается меня, то в политике я не разбираюсь, но думаю, что священник непременно бы выдавал себя особой манерой, будь он настоящим или из нашей команды. Впрочем, я могу ошибаться — я в жизни своей не видела ни одного священника.

Когда он помог мне усесться, подав руку и заставив почувствовать себя настоящей леди, я спросила:

— Как ты здесь оказался?

— Хозяин велел встретить вас, мисс.

— Вот как? Но я не сообщала ему, когда приеду. — Я постаралась вычислить, кто же из команды Босса следил за мной, не наступая на пятки. — Я иногда думаю, что у Босса есть волшебный хрустальный шар.

— Похоже, что так, — усмехнулся Джим, прищелкнув языком на Гога и Магога. Мы тронулись с места и поехали к ферме.

Я откинулась на спинку сиденья и расслабилась, слушая, как лошадиные копыта мягко шлепают по грязи: хлюп! Хлюп! Я приоткрыла глаза, когда Джим свернул в наши ворота, и окончательно проснулась, когда лошади встали под навес. Не дожидаясь, пока он поможет мне выйти, спрыгнула на землю и повернулась, чтобы сказать Джиму «спасибо».

Они напали на меня одновременно — с двух сторон.

Старый добрый дядя Джим не предупредил меня. Он просто стоял и смотрел, как меня вязали.

2

Моя вина! Моя тупая оплошность! Сколько раз меня учили, что ни одно место не может быть абсолютно безопасным, а уж то, куда ты обычно возвращаешься, — самое опасное. Именно там вероятнее всего тебя ждет ловушка.

К сожалению, я лишь затвердила это, как попугай, не вдаваясь в смысл. И напрасно. Это меня и подвело.

Есть и еще одно, не менее важное правило: если тебя кто и убьет, так это тот, кто ближе всех к тебе, — член твоей семьи. Я и это никогда не принимала всерьез. Жить, опасаясь удара от близких? Лучше сдохнуть!

Самая же большая моя глупость состояла в том, что я не обратила внимания на явное, четкое, *вопиющее* предупреждение, а не на какой-то там общий принцип: как это добрый старый «дядя» Джим умудрился так точно встретить мою капсулу? День в день и почти минута в минуту! Хрустальный шар? Босс, конечно, умнее нас всех, вместе взятых, но и он не волшебник — в этом я уверена, хотя, конечно, могу и ошибаться. В конце концов, если бы Босс обладал сверхъестественной силой, ему были бы не нужны мы все.

Я не докладывала ему о своих передвижениях, я даже не сообщила, когда я покинула Эль-5. Это соответствовало нашим правилам: он не заставлял нас докладывать о каждом шаге, понимая, что любая утечка может стать роковой. Даже я сама не знала, что сяду именно в эту капсулу, пока не села в нее. Я заказала завтрак в кофейне отеля «Стюарт», встала из-за столика, не притронувшись к еде, кинула деньги на стойку и — через три минуты была уже в капсуле экспресса. Так каким же образом?..

Очевидно, тот хвост, от которого я избавилась на станции «Стебля» в Кении, был не единственный. Или его кто-то прикрывал, или же исчезновение мистера Бельзена-Бомонта-Букмена-Бьюкенена было сразу замечено и его быстро заменили. Возможно, они следили за мной все время, и то, что случилось с «Бельзеном», предостерегло их — больше они не стали наступать мне на пятки. Или за те несколько часов, пока я спала, они сумели меня найти? Не важно, как именно все произошло. Вскоре после того, как я забралась в вагон на Аляске, кто-то отправил примерно следующую депешу: «Светлячок — Стрекозе. Девять минут назад Комарик вылез из капсулы Международного коридора. Диспетчерская в Анкоридже сообщила, что капсула отправляется и прибывает в Линкольн-Мэдоуз в одиннадцать ноль три по вашему времени». Или что-то в этом роде. Так или иначе, кто-то из недругов видел, как я сажусь в капсулу и позвонил, иначе старина Джим никак не мог бы меня встретить.

Непредусмотрительность всегда чудесна — она демонстрирует вам, как лихо вы можете разбить себе лоб... Правда, уже после того, как вы его разбили.

Но я заставила их попотеть за свои денежки. Если бы я была умницей, я перестала бы сопротивляться, как только увидела, что их слишком много. Но я не умница — это я уже доказала. Мне вообще надо было рвать когти, как только Джим сказал, что его послал Босс, а не лезть в эту телегу и там (о господи!) дремать.

По-моему, я убила только одного из них.

А может, двоих. Но почему им понадобилось делать это так грубо? Они могли прекрасно подождать, пока я войду внутрь, и там воспользоваться баллончиком с газом или усыпляющим дротиком... Или, в конце концов, простой веревкой. Я им нужна живой — это ясно. Но разве им не известно, что, когда нападают на агента с моей подготовкой, он автоматически переходит в овердрайв? Может быть, не я одна здесь дурочка?

И зачем так глупо терять время — насиловать меня? Во всей этой операции было что-то дилетантское. Профессионалы никогда не станут ни бить, ни насиловать перед допросом — в этом нет никакого смысла: любой профессионал проходит специальную тренировку и умеет справляться и с тем и с другим. Когда жертву насилюют (или его — я слышала, что мужчинам в этом случае труднее), она может или отключить разум и выждать, когда это закончится, или (специальный курс тренировки) последовать известной китайской поговорке: «Если насилие неизбежно...» и так далее.

Или же вместо первых двух методов (а возможно, и в сочетании со вторым) жертва может рассматривать изнасилование как возможность обрести преимущество над ее похитителями. Я не очень хорошая актриса, но я стараюсь, и, хотя мне ни разу не удалось полностью перевернуть ситуацию, по крайней мере однажды это спасло мне жизнь.

В этот раз способ № 3 не повлиял на конечный итог, но хотя бы вызвал несколько сильных разногласий. Четверо из них (судя по прикосновениям и запахам тел) разложили меня в одной из спален наверху. Может, это была моя собственная комната, но я не уверена, поскольку какое-то время была без сознания. Когда же я пришла в себя, вся моя одежда состояла из липкой темной ленты на глазах. Они стащили матрас на пол, уложили меня на него, и началась обычная групповуха

с минимальной примесью садизма... на который я не обращала внимание, будучи слишком занята способом № 3.

Про себя я назвала их: Мелкая Шишка (по-видимому, главный у них), Рокс (так они сами его называли, имея в виду, наверное, бульжник вместо мозгов), Коротышка (во всех смыслах) и Четверка, поскольку у него не было отличительных особенностей.

Я обработала их по полной — в плане драматургии, я имею в виду: сначала сопротивление, потом уступаешь силе и постепенно ваша страсть берет верх над вами. Любой мужик клонет на эту приманку, и все они «клюнули», но особенно я старалась с Мелкой Шишкой — в надежде, что стану его «любимницей» или чем-то в этом роде. Мелкая Шишка был не так уж плох, способы № 2 и № 3 отлично сочетались.

Труднее всего было с Роксом, так как для него пришлось сочетать способ № 3 со способом № 1, потому что у него отвратительно пахло изо рта. И вообще он был не очень чисто-плотен, мне стоило больших усилий не обращать на это внимания и реагировать так, чтобы не задеть его мужское самолюбие.

Закончив дело, он заявил:

— Слушай, Мак, мы зря теряем время. Эта шлюха только наслаждается.

— Ну так слезь с нее и уступи место Коротышке. Он уже готов повторить.

— Нет, погоди. Сначала я врежу ей как следует, чтобы она серьезней к нам относилась. — И он действительно врезал мне по левой скуле. Я вскрикнула.

— Прекрати! — раздался окрик Мелкой Шишки.

— Это кто тут раскомандовался? Ты слишком много на себя берешь, Мак.

— Это я велел, — донесся совсем незнакомый голос, явно усиленный динамиком, а значит, идущий из переговорника в потолке. — Рокки, Мак — старший, и ты это знаешь. Мак, отправь Рокки ко мне, я хочу сказать ему пару слов.

— Майор, я просто хотел как лучше!

— Ты все слышал, Рокс? — сказал негромко Мелкая Шишка. — Застегни штаны и проваливай отсюда.

Внезапно он перестал давить на меня своим весом и дышать мне в лицо своей вонью. Уже приятно. С потолка вновь раздался голос:

— Мак, это правда, что маленькая церемония, которую мы устроили для мисс Фрайди, просто доставила ей удовольствие?

— Возможно, Майор, — медленно проговорил Мелкая Шишка». — Судя по тому, как она себя ведет, да.

— Ну а сама что скажешь, Фрайди? Это твой любимый способ?

Я не стала отвечать на его вопрос. Вместо этого я подробно рассказала о нем и его семье, особенно о его матери и сестре. Если бы я сказала ему правду — что Мелкая Шишка мог бы быть довольно приятен при других обстоятельствах, что Коротышка и Четверка ни в каком смысле не представляют интереса, а Рокс просто подонок, которого я прикончу при первой же возможности, — это свело бы на нет всю мою работу способом № 3.

— И тебе того же, детка, — весело ответил голос из динамика. — Жаль тебя разочаровывать, но я из приюта. Так что никакой жены, а тем более матери или сестры. Мак, надень на нее наручники и прикрой одеялом, но снотворное не втыкай, я поговорю с ней чуть позже.

Любитель. Мой Босс в жизни не дал бы знать пленнику, что его вскоре ожидает допрос.

— Эй, приютский!

— Да, милая?

Я обвинила его в пороке, не требующем наличия матери или сестры, но анатомически возможном — так мне говорили — для некоторых мужчин.

— Каждую ночь, родная, — ответил голос. — Это очень успокаивает.

Итак, один-ноль в пользу Майора. Я решила, что при надлежащей подготовке из него мог бы получиться профессионал. Тем не менее сейчас он был жалким любителем и не вызывал у меня ни капли уважения. Он лишился одного, а может, и двух своих людей, напрасно заставил меня страдать от побоев, да еще от сексуального унижения — будь я обычной нетренированной женщиной, — очень, кстати, болезненного. На всем этом он потерял часа два. Если бы на его месте был мой Босс, пленница (или пленник) давным-давно бы уже расколосась и провела бы эти два часа, торопливо выкладывая все, что знает (и не знает), перед микрофоном.

А Мелкая Шишка даже взял на себя труд позаботиться обо мне — он отвел меня в туалет и спокойно ждал, пока я писаю,

не пытаюсь извлечь из этого для себя никакой выгоды. И это тоже было по-дилетантски, потому что для допросов любителей (но не профи) есть хорошая методика кумулятивного типа — не выпускать его или ее в туалет. Если в своей жизни женщина не сталкивалась с неудобствами и если мужчина обладает гипертрофированной половой гордостью — а это характерная черта почти всех мужиков, — эта методика не менее эффективна, чем пытки, и хорошо работает в сочетании с болью или иными унижениями.

Не думаю, что Маку было это известно. Я даже сочла бы его приличным человеком, несмотря на... нет, пожалуй, исключая его готовность к изнасилованию, — хотя, если верить исследованиям, к этому склонны большинство мужчин.

Кто-то кинул матрас на кровать. Мак велел мне лечь на спину, вытянуть руки вперед и приковал меня к койке наручниками — не полицейскими, а специальными, с бархатными прокладками. Это барахло обычно используют разные придурки для садомазо-игрищ. Интересно, кто из них здесь извращенец? Наверное, Майор.

Мак проверил наручники, убедился, что они сидят как следует, но не причиняют мне боли, а потом аккуратно накрыл меня одеялом. Я бы не удивилась, если бы он поцеловал меня и пожелал спокойной ночи. Но он этого не сделал, а просто тихо вышел.

Интересно, согласно методу № 3 мне надо было ответить на такой поцелуй? Или возмущенно отплеваться? Хороший вопрос. В основе способа № 3 лежит «я-просто-не-могу-с-собой-справиться», и тут очень важно рассчитать, когда и сколько энтузиазма нужно проявить. Если насильник заподозрит жертву в том, что она морочит ему голову, ее игра закончена.

В конце концов, засыпая, я все-таки решила — с некоторым сожалением, — что от этого предполагаемого поцелуя пришлось бы возмущенно отвернуться.

Как следует выспаться мне не дали. Я здорово вымоталась от всей этой передряги и уснула почти сразу же, но очень скоро была разбужена пощечиной. Неужели Мак? Нет, разумеется, Рокс. Ударил он меня не так сильно, как в первый раз, но все равно это было совершенно не обязательно. Наверное, он злился на меня за выволочку, которую получил от Майора, и я пообещала себе, что, когда настанет время с ним покончить, я сделаю это медленно.

— Мак приказал не бить ее, — услышала я голос Коротышки.

— А я и не бил. Просто ласково шлепнул, чтобы разбудить. Так что заткнись и займись своим делом. Отойди подальше и наведи на нее пистолет. На нее, идиот!.. А не на меня!

Они отвели меня в подвал, в одну из наших камер для допросов. Коротышка и Рокс ушли — во всяком случае, Рокс точно убрался, потому что исчез его вонючий запах, — и за меня взялась команда дознавателей. Не знаю, сколько их было, — ни один не проронил слова. Единственный обращавшийся ко мне голос принадлежал тому, кого я окрестила Майором, и голос, по-моему, раздавался из громкоговорителя.

— Доброе утро, мисс Фрайди.

«Утро? Что-то непохоже».

— Привет, приятский!

— Рад, что вы в хорошем настроении, дорогая, поскольку нам предстоит долгий и утомительный процесс. Я бы даже сказал, неприятный. Я хочу знать о тебе все, любовь моя.

— Сейчас узнаешь. С чего начать?

— Расскажи все о путешествии, из которого ты только что возвратилась. Не упускай ни одной подробности. И все — об организации, к которой ты принадлежишь. Должен тебя предупредить, что мы знаем о ней достаточно, так что, если ты солжешь, мне сразу станет известно. Поэтому никаких легенд, дорогая, — я моментально уличу тебя во лжи, и то, что последует за этим... Я, конечно, буду сожалеть об этом, но ты пожалеешь гораздо сильнее.

— Я не собираюсь лгать. Магнитофон включен? Это займет много времени.

— Магнитофон включен.

— Ладно. — И в течение трех последующих часов я исполнила соло — честно выкладывала все, что знаю.

Это было по правилам. Мой Босс прекрасно понимает, что девяносто девять агентов из ста не выдержат настоящей физической боли, примерно такой же процент расколется на достаточно длительном и изнуряющем допросе, но только сам Будда сумеет противостоять тщательно подобранному наркотику. И поскольку Босс мало полагается на чудеса и терпеть не может терять хороших агентов, его основное правило: «Если тебя поймали, пой!»

Естественно, что при таком положении вещей он должен быть уверен, что ни одно из действующих лиц не знает ничего

лишнего. И курьер никогда не знает, что он везет. Я ровным счетом ничего не знаю о цели. Мне неизвестно настоящее имя Босса. Я понятия не имею, работаем мы на государство или являемся подразделением одной из транснациональных корпораций. Я знаю, где расположена наша ферма, но это известно многим, и... она очень хорошо охраняется (во всяком случае, охранялась). Что же касается других наших мест, то меня туда возили только в закрытом транспорте. Гравилет отвозил меня, например, на тренировочный полигон, который мог находиться в дальнем конце фермы. Или вообще где угодно.

— Майор, как вам удалось захватить это место? Оно неплохо охранялось.

— Здесь я задаю вопросы, моя остроглазенькая. Давай-ка прокрутим еще раз ту часть, когда тебя кто-то преследовал на выходе из капсулы «Стебля».

Прошло еще много времени, и, когда я выложила все, что знаю, и начала повторяться, Майор прервал меня:

— Дорогая, ты выдала нам очень убедительную историю... Да, и такую правдивую, что я, пожалуй, готов верить каждому третьему слову. Давайте перейдем к процедуре «Б».

Кто-то схватил мою левую руку, и я почувствовала, как игла входит в вену. «Болтливый сок»! Дай бог, чтобы эти чертовы дилетанты хоть в этом не были так неуклюжи и бездарны, как во всем остальном, — ничего не стоит отдать концы от слишком большой дозы.

— Майор! Мне лучше сесть!

— Усадите ее на стул.

Кто-то выполнил его приказ.

...Десять, сто, тысячу лет я болтала и болтала, без устали повторяя все то же самое, а мозги у меня плавали в каком-то тумане, и туман сгущался, сгущался, но я все болтала, и болтала, и болтала... В какой-то момент я просто свалилась со стула, но они не стали сажать меня обратно, а уложили на холодный цементный пол. А я продолжала болтать...

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов они сделали мне другой укол, от которого у меня разболелись зубы и глаза чуть не выскочили из орбит, но я пришла в себя.

— Мисс Фрайди!

— Да, сэр?

— Вы очнулись?

— Кажется, да.

— Ну что ж, дорогая. Я думаю, вас тщательно обработали под гипнозом, чтобы вы смогли под «соком» излагать ту же легенду, что и без наркотика. Это очень плохо, поскольку я теперь вынужден прибегнуть к другому способу. Вы можете встать?

— Думаю, да. Во всяком случае, я могу попробовать.

— Помогите ей встать и не давайте упасть.

Кто-то, один или двое, выполнил его приказ. Я нетвердо стояла на ногах, но они крепко держали меня.

— Начните процедуру «Ц», пункт пять.

Чей-то тяжелый башмак с размаху опустился на мою босую ногу — прямо по пальцам. Я заорала.

Знаете что?.. Если вас когда-нибудь начнут допрашивать под пытками, орите что есть сил. Не играйте Железного Человека — это лишь озлобит ваших мучителей, и они обойдутся с вами еще круче. Можете мне поверить, я ведь прошла через это. Орите так, чтобы у вас лопались барабанные перепонки, и раскалывайтесь как можно быстрее.

Я не стану пересказывать подробности того, что происходило в следующие нескончаемые для меня часы. Если у вас есть воображение, вам захочется блевать, как хочется мне самой, когда я вспоминаю об этом. Кстати, пару раз меня тогда действительно вырвало. И несколько раз я просто вырубалась, но они приводили меня в чувство и снова принимались за дело, а голос из динамика упрямо продолжал задавать вопросы.

Наконец настал момент, когда они уже не сумели привести меня в чувство, и, вновь открыв глаза, я обнаружила, что лежу в кровати — той же самой, я полагаю, — вновь с наручниками на руках и ногах. Тело раздирала боль.

Голос из динамика с потолка произнес:

— Мисс Фрайди!

— Какого черта тебе еще нужно?

— Мне — никакого. Но если для вас, моя дорогая, это послужит хоть каким-то утешением, то могу сказать: вы — первый человек, которого я допрашивал и из которого так и не сумел выбить правду.

— Ну и пошел ты!..

— Спокойной ночи, дорогая.

Дилетант хренов! Каждое слово из того, что я наговорила, было чистой правдой.

Кто-то приходил, чтобы сделать мне укол. Вскоре боль прошла, и я уснула.

Думаю, я спала долго. Или сны мои перепутались, или я временами просыпалась, а потом опять впадала в забытие, а может, и то и другое. Кое-что явно было во сне — собаки, конечно, могут разговаривать, я сама видела нескольких, но вряд ли собака станет читать лекцию о правах искусственных существ. Шум и люди, бегущие то вверх, то вниз, возможно, были реальными. Но больше это походило на кошмар, потому что когда я попыталась подняться с кровати, то не смогла даже головы оторвать, не говоря уже о том, чтобы встать и присоединиться к веселью.

Наконец в какой-то момент я решила, что окончательно проснулась, потому что наручники больше не стягивали мои запястья и щиколотки, а на глазах не было клейкой ленты. Но я не стала прыгивать с койки и даже не открыла глаза — я понимала, что в самые первые секунды, после того как я подниму веки, у меня будет наилучшая, а может и единственная, возможность сбежать.

Не двигаясь, я напрягла мышцы. Кажется, все тело послушно повиновалось мне, хотя почти везде оно здорово ныло. Одежда? Забыть о ней — я не только не имела понятия, где она может быть, но и считала, что тратить время на одевание, когда речь идет о жизни, просто безумие. Давайте сообразим — в комнате, кажется, никого не было. А на этаже? Замереть и прислушаться. Когда я буду уверена, что я одна на этаже, надо бесшумно встать с постели, быстро проскользнуть на лестницу, потом на третий этаж и на чердак. Там спрятаться. Дождаться. Через чердачное окно, вниз по крыше, спуститься по задней стене — и в лес. Если я доберусь до леса, что начнется почти сразу за домом, они никогда меня не схватят, но... До тех пор я для них — удобная мишень.

Шансы? Один из десяти. Может быть, один из семи, если я все еще в форме. Самое слабое место в этом плане то, что меня легко могут засечь до того, как я выберусь из дома, потому что... Потому что, если меня засекут — нет, пожалуй, *когда* меня засекут, — мне придется не просто убивать, но убивать очень тихо...

Какие есть еще варианты? Только один — лежать и ждать, пока меня ликвидируют, а это... Это случится вскоре после

того, как Майор решит, что больше ему из меня ничего не выжать. Какими бы бездарными дилетантами они ни были, все же они — во всяком случае, Майор — не так глупы, чтобы оставлять в живых свидетельницу, которую пытали и насиловали.

Я навестила уши и стала напряженно вслушиваться.

Нигде ни одного шороха. Нет смысла ждать дольше, каждая минута промедления приближала то время, когда «шорохи» появятся. Я открыла глаза.

— Проснулась? Хорошо.

— Босс! Где я?

— Что за дурацкий вопрос? Фрайди, ты могла придумать что-нибудь поинтереснее. Закрой глаза и попробуй снова.

Я огляделась по сторонам. Спальня или, может быть, больничная палата. Окон нет. Освещение искусственное. Гробовая тишина, не нарушаемая, а скорее усиленная легчайшим звуком невидимого вентилятора. Я снова взглянула на Босса — приятное зрелище. Все как всегда, даже старомодная повязка на глазу... Почему он, интересно, никак не делает себе регенерацию? Его костыли стояли возле стола так, чтобы до них было легко дотянуться... На нем был его обычный неряшливый шелковый костюм, покроем напоминающий плохо сшитую пижаму. Я была жутко рада его видеть.

— Я хочу знать, где я. И как сюда попала. И почему... Это где-то под землей, конечно... Но где?

— Разумеется, под землей — метров... несколько. «Где» — тебе будет сказано, когда в этом появится необходимость, или, во всяком случае, как отсюда выбраться и как сюда добраться. Это был основной недостаток нашей фермы — приятное местечко, но слишком многим было известно, где оно расположено. Так что вопрос «почему?» вряд ли уместен. С вопросом «как?» можно подождать. А теперь докладывай.

— Босс, вы умеете раздражать людей лучше, чем все, кого я знаю.

— Долгая практика. Докладывай.

— А ваш отец наверняка встретил вашу мать в дешевом отеле. И даже шляпу не снял.

— Они познакомились на пикнике, устроенном баптистской воскресной школой, и оба верили в Зубную фею. Докладывай.

— Черт бы вас побрал! Поездка на Эль-пять обошлась без всяких инцидентов. Я нашла мистера Мортенсона и отдала

Содержание

<i>С. В. Голд. В мир пришла Фрайди</i>	5
ФРАЙДИ. Роман. Перевод Ф. Сарнова	9
БЕЗДНА. Повесть. Перевод Г. Усовой	397